

Юнь Тин почувствовал, как сердце сжалось от резкого испуга, и инстинктивно выбросил руку в ударе. В его взгляде промелькнула свирепость, а зрачки в лунном свете отливали нежно-голубым — точь-в-точь как цвет слез русалки.

Этот удар был нанесен с полной силой.

Однако ожидаемой боли не последовало. Кулак Юнь Тина словно наткнулся на вату: лицо Ши Сюньлюя исказилось под немыслимым углом, черты лица сбились к краям, а затем все его тело отлетело в сторону и с глухим звуком рассыпалось сизым дымом.

Увидев это, Юнь Тин широко раскрыл глаза от ужаса. Внезапно земля содрогнулась, кровать под ним затряслась в неистовом танце. Юнь Тин вскочил, бросился к выходу, но не успел он добежать до двери, как вся пещера рухнула, погребая его под обломками.

Все звуки мгновенно стихли, словно их смыло приливом, вокруг воцарилась пустота, и перед глазами наступила непроглядная тьма.

— Учитель? Маленький учитель?

Когда сознание начало медленно возвращаться, из глубины тишины послышался встревоженный, полный заботы голос. Звук приближался. Юнь Тин с трудом разлепил веки, взгляд его был еще затуманен, и он вновь встретился с глубокими темными глазами Ши Сюньлюя.

Но в отличие от того, что было во сне, эти глаза светились теплом и ясностью. В них не было ни следа дьявольской одержимости — лишь безграничная преданность Юнь Тину.

Однако Юнь Тин только проснулся, голова была тяжелой. Увидев Ши Сюньлюя, он решил, что тот снова пришел за его сердцем. Тело среагировало быстрее разума: в руке мгновенно возник духовный клинок, и Юнь Тин, не раздумывая, вонзил его в грудь ученика.

Плюх — раздался звук входящего в плоть лезвия.

Ши Сюньлюй: «.....»

Он почувствовал, как сталь пронзила грудь, и, медленно подняв глаза, увидел, как забота в них сменилась недоумением.

— Учитель? — изумленно прошептал он.

Его старые раны еще не зажили, а теперь разошлись вновь. Кровь густыми струями потекла из-под пальцев, окрашивая алое одеяние в темный цвет. От боли уголки губ Ши Сюньлюя нервно

подергивались.

Юнь Тин наконец пришел в себя. В ужасе отдернув руку, он хотел было направить духовную энергию на исцеление, но Ши Сюньлюй сдавленным стоном прижал его ладонь к ране, прерывисто проговорив:

— Не вынимайте...

Если вытащить клинок, кровь хлынет еще быстрее.

Ши Сюньлюй и так был бледен после недавних травм, а сейчас побелел окончательно. Юнь Тин, окончательно отбросив мысли о снах, обрел несвойственную ему собранность. Подхватив Ши Сюньлюя под колени, он бросился прочь из пещеры и забарабанил в двери обители Цин Яня.

Цин Янь еще не спал. Услышав шум, он накинул халат и открыл дверь. Увидев на пороге Юнь Тина с окровавленным Ши Сюньлюем, он вскрикнул от испуга, отступил на два шага и поспешно распахнул ворота:

— Что случилось? Как он дошел до такого состояния?

Юнь Тин был на грани слез:

— Младший брат, спаси его, умоляю!

— Спокойно, старший брат, заноси его скорее внутрь!

Подоспевший Цин Чжи молча проводил их в гостевую комнату. Цин Янь бегло осмотрел рану и велел Юнь Тину выйти, чтобы заняться лечением в одиночку.

Юнь Тин метался у дверей, словно молодой муж, ожидающий родов жены. Он много раз порывался ворваться внутрь, но каждый раз натыкался на невозмутимого Цин Чжи.

Юнь Тин: «.....»

Он тяжело вздохнул, опустил голову и сел на ступени, подперев лицо руками.

Цин Чжи, заметив это, бросил взгляд в сторону комнаты, убедился, что его возлюбленный скоро не выйдет, и, помедлив, подсел к Юнь Тину:

— Старший брат, как... как вы могли так его ранить?

Юнь Тин был человеком прямодушным и не стал юлить, лишь почувствовал укол совести:

— Приснился дурной сон, будто он хочет меня убить. Проснулся, не сумел отличить явь от грез и по ошибке ранил его.

Цин Чжи смотрел на страдальчески сморщенное лицо Юнь Тина. Его пальцы слегка онемели, а на обычно спокойном лице отразилась растерянность. Спустя долгое время он произнес:

— Не волнуйтесь, я краем глаза заметил рану — она не смертельна.

За последние сто лет он сотни раз слышал от Цин Яня, что Юнь Тин чист душой, как младенец, из-за потери части сознания в прошлой жизни. Тот никогда не причинял зла намеренно, но был холоден и отстранен, никогда не проявлял заботы к другим и, вероятно, не знал, что такое сердечная боль.

Но сейчас казалось, что слухи были не совсем верны.

Цин Чжи снова взглянул на Юнь Тина. Тот сидел, уставившись в одну точку — на горшок с цветами вдаль, и бессвязно бормотал:

— Ему ведь, наверное, очень больно...

Он добавил:

— Я боюсь, что ему больно.

Зрачки Цин Чжи сузились. Его невозмутимое лицо дрогнуло. Он хотел было что-то сказать, но в этот момент раздался скрип — дверь отворилась.

Цин Янь вышел наружу, но Юнь Тин вскочил быстрее него и бросился к врачу.

— Ну как? Он в порядке?

— Все хорошо.

Цин Янь был утомлен, на руках осталась кровь. Он подошел к бамбуковой трубе, из которой текла родниковая вода, и начал смывать ее. Вскоре подошел Цин Чжи и молча вытер ему руки. Цин Янь улыбнулся, коротко поцеловал его в губы и повернулся к Юнь Тину:

— Раны не опасны. Но во время лечения я обнаружил в его море сознания чужеродный сгусток духовной энергии, который сильно замедляет его развитие. Если бы не эта помеха, с его

талантом и костями он уже давно достиг бы стадии Золотого ядра, а не оставался на начальном уровне.

Юнь Тин встревожился, в его темных глазах промелькнуло беспокойство:

— Что же делать? Нужно его извлечь?

Цин Янь покачал головой:

— Обычно море сознания заклинателя не терпит вторжения чужой энергии, если только...

Юнь Тин вопросительно посмотрел на него, ожидая продолжения.

— Если только это не сознание его партнера, — медленно произнес Цин Янь.

В мире бессмертных партнеры иногда практикуют обмен энергией, позволяя частицам сознания проникать в море друг друга, чтобы укрепить связь.

Юнь Тин опешил и спустя время пробормотал:

— Вот, значит, как...

Но если Ши Сюньлюй — его любовное испытание, откуда взялся партнер?

— Впрочем, я не уверен, — Цин Янь увидел, как Юнь Тин поник, словно брошенный щенок, и поспешил добавить: — Не исключено, что это произошло случайно.

Юнь Тин надул губы:

— Мне вовсе не интересно, есть у него партнер или нет.

Врет, подумал про себя Цин Янь, глядя на него. Кажется, он вот-вот заплачет.

— Море сознания Ши Сюньлюя удивительно терпимо к этому сгустку, словно подсознательно позволяет ему оставаться внутри, — продолжил Цин Янь уже серьезнее. — Если попытаться изгнать его силой, это повредит самому сознанию. Поэтому я временно запечатал эту странную энергию, чтобы она не мешала его тренировкам.

Это означало, что в краткосрочной перспективе все хорошо, но последствия в будущем оставались неясными.

Юнь Тин кивнул и, собравшись с духом, побежал в комнату. Ши Сюньлюй сидел на кровати, скрестив ноги, с закрытыми глазами. Вокруг него золотистым вихрем кружилась энергия, а между бровей едва заметно мерцал синеватый свет. Юнь Тин замер, несколько секунд смотрел на ученика, а затем тихо вышел.

Цин Янь и Цин Чжи хотели было заглянуть внутрь, но Юнь Тин остановил их с редким для него выражением серьезности:

— Не входите. Мой ученик прорывается на новую ступень.

Этот прорыв длился день и ночь. Небо трижды содрогалось от ударов грома, поднялся неистовый ветер, а обитель Цин Яня и Цин Чжи была опалена молниями. Лишь глубокой ночью следующего дня золотистое сияние над руинами утихло.

Легкий поток энергии окропил цветы в саду, и горшок с редкими цветами, что стоял во дворе, внезапно расцвел, выпустив нежно-розовые бутоны.

Юнь Тин простоял на страже сутки. Тот, кто раньше не мыслил жизни без медитации или сна, вдруг забыл обо всем. Он присел перед цветами, с помощью духовной энергии набрал родниковой воды и рассеянно поливал лепестки. У Цин Яня сердце обливалось кровью при виде этого:

— Еще немного, и ты их погубишь.

Цин Чжи поцеловал его в кончики пальцев и тихо утешил:

— Ничего. Через пару месяцев я отправлюсь с бессмертным учителем в горы, по пути заглянем на остров Пэнлай, я принесу тебе новые семена.

Цин Янь растроганно обнял его, прижал к себе и подумал, что какой бы ни был старший брат, а собственный возлюбленный — лучше всех. Цин Чжи, читая его мысли, лишь едва заметно улыбнулся.

Ши Сюньлюй, выйдя из комнаты, увидел, как Цин Янь с партнером с самого утра предаются нежностям. Он дернул щекой, но, помня, что Цин Янь спас ему жизнь, хотел было поблагодарить его, как вдруг увидел своего учителя. Юнь Тин сидел у горшка и рассеянно поливал цветы, вода уже текла через край, намочив подол его одежды.

Ши Сюньлюй замер. Его тело среагировало раньше мысли — он подошел к учителю со спины и тихо произнес:

— Учитель, ваш подол промок.

Юнь Тин вздрогнул, резко вскочил и обернулся так быстро, что едва не оставил после себя остаточный образ. Отступив на несколько шагов, он уставился на Ши Сюньлюя так, словно увидел привидение, и не смог вымолвить ни слова.

—

— Что с вами, учитель? — озадачился Ши Сюньлюй. — Вы не рады меня видеть?

Обычно учитель был куда разговорчивее.

— Нет, нет, — Юнь Тин отчаянно затряс головой, снова отступая назад, и искренне добавил: — Я очень рад тебя видеть. Просто... держись от меня подальше, я боюсь снова причинить тебе вред.

Ши Сюньлюй понимающе посмотрел на него. Хотя он не знал, почему несколько дней назад учитель вонзил в него клинок, он чувствовал — учитель не причинил бы ему зла без причины. Иначе не понес бы его к Цин Яню на руках.

В тот момент, перед потерей сознания, Ши Сюньлюй разглядел в глазах Юнь Тина вину и беспомощность, отчего его сердце болезненно сжалось. Он не хотел бы, чтобы такое выражение когда-либо снова появилось на лице учителя.

Сделав два шага вперед, он заставил Юнь Тина отступать, пока тот не уперся спиной в бамбуковую изгородь. Ши Сюньлюй поднял руку, желая коснуться лица учителя — казалось, они не виделись целую вечность, — но, вспомнив что-то, медленно опустил ладонь и тихо сказал:

— Учителю не нужно винить себя. Ученик никогда не держал на вас зла.

— Но я ранил тебя, — Юнь Тин нахмурился, словно совершил непростительный грех. Он тербил край одежды, его лицо покраснело от смущения. — Ученик, я... я плохой учитель, да?

В его голосе слышались слезы, глаза застилала пелена. Раньше Ши Сюньлюй подобная привязчивость раздражала, но теперь она казалась ему удивительно милой.

Он протянул руку, смахнул слезу с щеки Юнь Тина и мягко произнес:

— Вы прекрасный учитель. Если бы не вы, я бы не смог так быстро достичь стадии возведения фундамента, верно?

Юнь Тин замер. Он внимательно посмотрел на Ши Сюньлюя, почувствовал мощную энергию, пульсирующую в его духовном ядре, и на мгновение остолбенел. Его взгляд упал на бледный

синий узор в виде пламени между бровей ученика, и он не удержался, коснувшись его пальцем.

Синее пламя, почувствовав прикосновение духовной энергии Юнь Тина, радостно заколыхалось и, словно лепестки лотоса, обволокло его палец.

Юнь Тин удивленно воскликнул:

— Ой! — его печаль как рукой сняло. Он возбужденно повернулся к Цин Яню и его спутнику: — Смотрите, у него на лбу огонек, как красиво!

Ши Сюньлюй стоял неподвижно, позволяя ему себя трогать, и слегка улыбался.

Цин Янь подошел ближе, присмотрелся и удивился:

— Я не вижу никакого огонька.

Цин Чжи тоже покачал головой:

— И я не вижу.

Цин Янь добавил с безжалостной усмешкой:

— Старший брат, не стареешь ли ты? Неужели зрение подводит?

Юнь Тин: «.....»

После того как Ши Сюньлюй завершил прорыв, они вернулись в свою пещеру. Юнь Тин боялся снова навредить ученику и хотел было переехать в другую комнату, но Ши Сюньлюй возразил, что в этом нет нужды. К тому же, новую комнату подготовить не успели, и Юнь Тину пришлось продолжать делить одну спальню с учеником.

После того как сознание в море Ши Сюньлюя было запечатано, его мастерство росло не по дням, а по часам. К тому же он был невероятно прилежен. Мин Хуэй часто наблюдал, как Ши Сюньлюй, приготовив завтрак, уговаривал нехотя просыпающегося Юнь Тина вместе медитировать. Один сидел на дереве, другой упражнялся с мечом внизу — атмосфера была на удивление гармоничной.

— Скоро Ши Сюньлюй достигнет стадии Золотого ядра, не так ли? — Мин Хуа стоял рядом с Мин Хуэем, его лицо светилось одобрением.

— Он ведь перерождение бога войны, такие темпы неудивительны, — Мин Хуэй погладил седую бороду и усмехнулся: — А вот мы, старые кости, застряли на средней стадии преодоления скорби и никак не можем прорваться, только ждем конца.

— Все в мире изменчиво, путей к Дао тысячи. Когда мы вставали на этот путь, разве могли представить, что доживем до такого дня?

Мин Хуа вздохнул:

— Надеюсь лишь, что смогу еще послужить миру, совершив хоть что-то малое.

Мин Хуэй замолчал. Спустя время он спросил:

— Ты решил отправиться со мной на Пэнлай за травами?

Мин Хуа не ответил прямо, его взгляд был прикован к Юнь Тину, который, болтая ногами, подперев подбородок, смотрел на Ши Сюньлюя:

— Оставить секту Ю Сянь на одиннадцатого ученика — я спокоен.

Раньше Юнь Тин был ясен душой, словно статуя из нефрита — не знал ни холода, ни тепла, был чужд человеческих чувств. Но теперь, с появлением Ши Сюньлюя, его сердце утратило прежнюю кристальную чистоту, зато наполнилось земным теплом.

В мире все имеет свет и тень. Быть может, любовное испытание, пришедшее с появлением Ши Сюньлюя, не было таким уж злом.

Мин Хуэй кивнул, собираясь что-то сказать, как вдруг появилась Му Янь. Она поклонилась учителям, на ее лице читались тревога и тяжесть:

— Учитель, бессмертный Мин Хуа, у меня важные вести.

— Говори.

— Город Ую уже пал под натиском наводнения. Большинство жителей заразились эпидемией, число погибших огромно. Те, кому удалось бежать, разносят заразу дальше, — голос Му Янь дрогнул. — Сейчас на материке осталось всего девять государств, не затронутых бедой.

С начала времен двадцать восемь государств жили в мире, поддерживая друг друга. Разве было когда-нибудь, чтобы девятнадцать из них одновременно оказались в такой беде?

Мин Хуэй и Мин Хуа переглянулись. Их брови сошлись на переносице, мысли путались, и впервые они не смогли принять решение мгновенно.

Наконец, Мин Хуэй разгладил лоб и произнес, голос его вдруг стал старше:

— Завтра созвать всех старейшин и бессмертных. Без уведомления учеников провести церемонию передачи власти.

— Слушаюсь! — лицо Му Янь изменилось, она осознала всю серьезность положения, почтительно поклонилась и поспешила прочь.

Мин Хуэй нахмурился. Долго, очень долго он смотрел на Юнь Тина и прошептал:

— Одиннадцатый...

Его голос был похож на вздох, на дым, растворяющийся в воздухе, оставляя лишь эхо в бескрайнем мире:

— Будущее секты Ю Сянь и всего человеческого мира теперь зависит от тебя.

<http://bllate.org/book/19526/1914584>